

ДКАРИНА
ЕМИНА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию «НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Франциска Вудворт
«Мой снежный князь»
«Мой снежный князь. Строптивица для лэрда»

Настя Любимка
«История бледной моли»
«Я люблю тебя больше жизни»
«Любовь без гордости. Навеки твой»

Ева Никольская
«Моя темная половина»

Алиса Ардова
«Мое проклятие. Право на счастье»

Александра Лисина
Цикл «Артур Рэйш»
Кн. 1 «Когда темные боги шутят»
Кн. 2 «Охотник за душами»
Кн. 3 «Жнец»
Кн. 4 «Темный маг»

Марина Эльденберт
«Осколки времени»

Карина Демина
«По ту сторону жизни»
«Дом последней надежды»
«Маленькая история большого заговора.
Лиса в курятнике»

Бронислава Вонсович
«Туманы Унарры»
«В паутине чужих заклинаний»

Ольга Романовская
«Пикантные обстоятельства»

Анна Платунова
«Твое имя»

Ольга Валентеева
«Прокляни меня любовью»

ДКАРИНА
ДЕМИНА

ЛИСА В КУРЯТНИКЕ

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ
БОЛЬШОГО ЗАГОВОРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление – *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке – *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Маленькая история большого заговора. Лиса в курятнике : [роман] / Карина Демина. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 384 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-119383-6

Была у Лизаветы семья, и не стало. Были перспективы, да сгнули вместе со смертью любимого батюшки. Остались лишь сестры, тетушка немощная и желание отомстить, которое и привело Лизавету в «Сплетник». Газетенка, по мнению общественному, премерзкая, зато популярная в народе. А глас народа, как известно, на многое способен.

Вот только начальник Лизаветиных стремлений не разделяет, да и не он один... многим пришлось не по нраву Никанор Справедливый пронырливостью своей. Однако и ему придется попригнать, благо иное дело нашлось: вот-вот состоится в Арсийской империи конкурс красоты. И кому как не Лизавете его освещать?

Правдиво.

И желательно изнутри... главное, в политику не лезть. Лизавета и не собиралась. Оно как-то само вышло.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119383-6

© К. Демина, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

... ГЛАВА 1 ...

Алексей, великий князь Гормовский, будущий царь всей Арсийской империи, а ныне единственный наследник трона и надежда всей династии, оттопырил мизинчик и острожненько ткнул им в бюст княгини. В оправдание его можно было лишь сказать, что бюст этот был на диво привлекателен. Поговаривали, что именно благодаря ему княгиня, собственно, княгиней и стала: выдающиеся достоинства ее затмили разум шестидесятисемилетнего князя, почтенного вдовца и человека строгого нрава.

Увы, нрав перед бюстом не устоял.

А сердце князя, оказавшегося изрядным ревнивцем, не выдержало семейной жизни, остановившись на третий год ее. Наследники, само собой, попытались избавиться от молодой вдовы, но та завязала несколько успешных знакомств, благодаря которым сумела сохранить и часть состояния, и титул.

Да и то поговаривали, что франки весьма щедры к своим... сотрудникам.

— Вы так... впечатляюще! — вздохнула она.

Бюст заколыхался, грозя выйти из атласных берегов декоративности. Черная мушка на нем, показалось, подмигнула весьма кокетливо. А вдова тронула рыжеватые волосы — крашенные, ибо на той неделе была она блондинкой, но ровным счетом до того момента, как Лешек обмолвился, что от блондинок устал, — и громко вздохнула:

— Могу ли я рассчитывать на милость великого князя...

И реснички опустила.

Ишь ты, выдрессировали.

— Ах, конечно, можете. Великий князь ко всем милосерден... невзирая на происхождение. — Томная красавица, работавшая на бриттов, не смогла упустить момента.

— И возраст, — отозвалась княгиня, раскрывая веер из страусиных перьев.

Тот затрепетал, и Лешека окатило душевной волной парфюма, щедро сдобренного приворотными средствами. А это уж ни в какие ворота не лезет. Так что чихнул он весьма искренне и еще более искренне поинтересовался:

— Чем это тут завоняло?

Фыркнула смуглокожая бриттка, которая, между прочим, являлась подданной Арсийской империи и к роду принадлежала древнему, но, по несчастью, обедневшему, чем коварные бритты и воспользовались, смутив разум юной наследницы золотом и обещаниями будущей спокойной жизни в предместьях Лондиниума.

Чем ей Лондиниум глянулся, Лешек не понимал.

Помнил он этот городишко: тесный, грязный и вонючий. Не то что родной Арсинор.

— Это... — княгиня слегка зарозовела, — горничная перестаралась.

— А гоните ее, — посоветовал Лешек и окинул взглядом зал.

Прием шел. И шел себе...

Еще часа два — и можно будет удалиться, не вызвав особых пересудов. А до того... Он бросил тоскливый взгляд на часы и подал руку княгине, вызвав приступ злости у ее соперницы.

— Вы позволите?

Танцевала она для бывшей торговки весьма и весьма неплохо. Правда, слишком часто вздыхала, отчего бюст приходил в волнение, вызывая оное же в кавалерах иных, с которыми приходилось сталкиваться. Вот споткнулся, едва не растянувшись на глянцевом полу, поручик Ржевин, шею вытянул, разом позабывши про приличия и невесту, которую, собственно говоря, и выгуливал. Вот икнул, подавившись вином, престарелый генерал-майор Визовский, вот две почтенные дамы склонились друг к другу — стало быть, разнесется завтра по городу новая старая сплетня.

— Ах, — княгиня осторожно коснулась щеки наследника, — Лешенька, я так по вам соскучилась, вы не представляете. Без вас мне тоскливо...

Тоску княгини разгоняли двое любовников, но, судя по докладам, держала она их исключительно здоровья ради. И соблюдала притом похвальную осторожность в отличие от соперницы, которая позволила себе чрезмерно увлечься неким чиновником низкого ранга.

— Простите, — отозвался Лешек. — Не мог. Дела... Папенька, знаете ли, работать велел.

— Ах, как жестоко! — почти искренне возмутилась княгиня. — И что вы?

— Работаю.

— Кем?

— Наследником! — Он позволил себе слегка споткнуться и даже наступить на розовую туфельку. Жаль, подола платьев укоротили по новой моде, на подола наступать всяко сподручней было бы. — Велел придумать развлечение, чтоб для народа... Я ему ярмарку предложил. На ярмарке хорошо...

Правда, после предыдущего покушения самого Лешака на ярмарки не пускали, да и матушка слово взяла, что и он сбегать не станет. Слово пришлось держать, отчего жизнь сделалась вовсе уж тоскливой.

— А он?

Княгиня не забывала демонстрировать искреннейший интерес.

— А чего он? Он сказал, что ярмарки, они каждый год приключаются. Надо иное. Чтоб интересное... новое... принципиально.

Самое отвратительное, что именно сейчас Алексей, князь Гормовский, не лгал. Вот что вздумалось батюшке отвлечься от дел иных, куда более серьезных, ради этого? Мол, репутация династии, престиж, влияние на умы и сердца... А Алексею думай, как на эти умы влиять.

С сердцами вместе.

Будто ему мороки с пошлинами на дерево мало — купцы воют, мол, разорятся, если будут возить не рубленое, а доску. Иноземные тоже воют, что разорятся, эту доску по завышенным ценам покупая, дескать, у них своих лесопилок хватает.

Это верно, хватает.

Но и продавать строевой лес по цене щепы совесть не позволяет. И здравый смысл, который Лешек уважал куда больше совести.

А еще соляной промысл, который вдруг оказался не в тех руках. И заговорщики эти, чтоб им икалось всякий раз, как о них Тайный приход подумает.

— Принципиально... — Княгиня призадумалась, на долю мгновенья утратив маску легкомысленной дурочки. А ведь не только бюстом она мужа зацепила, не только. И как это наши-то подобное богатство проглядели? Недорабатывают. Как есть недорабатывают. — А знаете, князь, слышала я, что в прошлом году бритты провели конкурс красоты — сперва

на местах, а после уж столичный. И каждая девица, независимо от сословия, могла принять участие.

Конкурс, стало быть?

— А что, — княгиня лукаво улыбнулась, правда, веер открывать не рискнула, — случись мне там побывать, как полагаете, был бы шанс?

— Не шанс, — Лешек покорно уставился на резную бархатную мушку, — полагаю, вы бы заслуженно победили.

— Вы мне льстите.

И не только ей, но что поделаешь: положение обязывает.

Тремя часами позже он излагал почти свою, но вполне удачную придумку батюшке.

Милостью Божию его императорское величество Александр IV, самодержавный властитель всея Арсийской империи, а также земель Ближних и Дальних, островов Венейских и трех морей, слушал, подперши щеку кулаком. Слушал, следовало сказать, превнимательно, пусть и во всей фигуре его наблюдалась некоторая вялость.

— Конкурс красоты, говоришь, — презадумчиво произнес он, зацепившись за волосок на седой бороде, — а это, может стать, весьма перспективно, весьма...

Волосок он выдернул.

Поморщился.

И испепелил тут же.

— Чешется, зараза, — пожаловался Александр IV, прозванный в народе — не без подсказки, само собою, — Блюстителем. — Я уж его просил, чтоб поаккуратней, а все одно чешется.

Седая бородка, аккуратно стриженная, придавала несколько простецкому обличью монарха нужную утонченность, которая, правда, несколько дисгармонировала с лысиной и крупной серьгой в ухе, из тех, что носит морской народец. Но императору позволительны некоторые малые странности.

Тем паче такому. Престарелому и капризному. А еще больному, иначе для чего держать при дворе целый сонм целителей. Уж не для дамских мигреней, ясное дело.

— Только я подумал, что разделить надо будет. — Лешек вздохнул.

Притомился он.

Приемы и без того сил требовали нечеловеческих, ибо маска так и норвила сползти, а делать сего было нельзя,

так еще ныне и княгиня, уловившая неким звериным чутьем своим, что оказалась полезна, вознамерилась развить успех.

Благодарить ее пришлось тут же, в алькове.

— У нас не поймут, если всех в одну кучу... Купчихи с дворянками перегрызутся, а если ненароком победит кто из простых, так и вовсе скандал выйдет.

— Не победит.

Царь запустил всю пятерню в бороду и поскребся, пообещав:

— Сбрею.

— Народ не поймет, — покачал головою наследник и продолжил: — А если не победит, то и того хуже, поползут слухи, что все куплено. Нет, сперва среди аристократов проведем, а купцы уже и сами придут.

С поклоном и беседою, выгодною для обеих сторон. С мастеровыми и иным людом и того проще.

Царь-батюшка смачно потянулся и дозволил:

— Действуй!

А Лешек вздохнул: вот меньше всего ему хотелось с этим конкурсом, от которого пользы никакой, возиться. У него, между прочим, гильдейские мастера поперек горла стоят, требуя исконные привилегии восстановить, не понимая, что в новом мире им не место.

На землях Дальних беспокойно, тукры, сменивши очередного владыку, воспряли и возжелали если не войны победоносной — тут они более-менее здраво собственные силы оценивали, — то хотя бы возрождения древней же традиции набегов на земли соседские. А там только-только спокойно жить начали.

Бритты со своими претензиями по заморским колониям насаждают, мол, монополия торговая у них, а что колонии эти в монополиях задыхаются и того и гляди восстанут, так оно ж разве по уму?

Франкам нейдется.

Одни австры сидят спокойно, в дружбу играют, но и то с дальним умыслом. У них принцесс с дюжину, придет срок... И ведь придет. И кроме австрийских принцесс, положи руку на сердце, выбрать-то некого, а союз нужен.

Уж больно непрочен мир в империи.

Многие помнят смуту, всколыхнувшую ее пару десятков лет тому.

Идеи крамольные, что разнеслись моровым поветрием... Равенство, братство... Мятежи и мятежников, заставивших

царя от престола отречься. Гибель всего царского семейства, а там помимо наследника хилого еще пятеро царевен имелось...

Тогда империю спасло чудо, не иначе.

И вера.

И верность. И люди, многие из которых ныне уже отошли от дел, ибо война силы забирает даже у одаренных. Первей всего у одаренных. А мир... мир всем сперва кажется благом, но к благам привыкают, и вот уж хочется большего.

— Матушку проведай, — велел царь, думая о своем. У него тоже забот хватало. Министры там, советники, каждый из которых на словах за благо империи радеет, а на деле половина франкам продана, а другая — бриттам. А есть и такие, что на всех работать горазды, платили бы поболее. — И дружка своего возьми. Нехай развлечется.

Лешек крепко сомневался, что молочный брат его, наперсник и единственный, пожалуй, помимо родителей человек, которому цесаревич верил, желает таких поручений.

Но с батюшкой спорить...

— И это, посетуй там, что я совсем плох стал, гневлив без меры и вообще тебя женить задумал.

— Что?!

Вот только этого Лешек не хватало.

— Хоть бы что, — передразнил батюшка. — Сам подумай, тут конкурс, а там слух.

Одно к другому. И ведь в чем препоганая сила слухов? Какие бы здравые доводы ни приводились в опровержение — не поможет.

— Но...

— Мальчик мой, — царь прикрыл глаза, — мы оба знаем, что от меня желают избавиться, а вот ты им нужен. Во всяком случае, пока наследник не появится, шапка Мономахова слабую кровь не примет. А стало быть...

Ищи, кому выгодно.

И получалось... получалось, что им с Димитрием немалое развлечение выпало.

Ее императорское величество, в свои годы сохранившая и стать, и красоту, жаловалась на жизнь. Окруженная двумя дюжинами боярынь, фрейлинами и гофмейстринами, она громко и слезливо причитала, порой заламывала униженные перстнями ручки, касалась пальчиками напудренного личика.

Вздыхала.

И один раз даже слезу выдавила.

Боярыни слушали. Качали головами, сочувствуя, и перстеньки пересчитывали. А заодно уж подмечали мелочишки нехорошие, навроде нездорового блеска в глазах, бледности кожи и синеватых ногтей.

И уж точно не остались незамеченными три целителя, денно и ночью оберегающие покой императрицы. Вот один одну скляночку подал, и по палатам поплыл характерный сладковатый запах валерианового корня. Вот другой с поклоном поднес кубок, в который черных капель накапал. Вот третий бутылью с пивяками потряс и часы извлек, солидные, луковичкой.

Мол, время для процедур.

И поднялись статс-дамы, подавая знак прочим, что окончена аудиенция.

— Красота, — неискренне сказала императрица, прикрывши очи, — требует жертв.

И взмахом руки боярынек отпустила.

А сама растянулась в кресле.

— Лешечек, останься с матушкой, — дребезжащий, усталый голос ее был слышен в коридоре, и лишь когда дверь закрылась, императрица вздохнула: — Когда ж это закончится-то?

Она отерла лицо, стирая пудру.

От пивяков отмахнулась, правда, велела на свиньях покормить. А вот валериановые капли выпила: нервы, они небесконечны.

— Представляешь, третьего дня пудру отравленную поднесли, и главное, яд хороший, трехкомпонентный. — Императрица вздохнула с немалым сожалением. — Сработал бы только в контакте с серебром.

Она повернула узенький серебряный перстенок, который носила не снимая.

— У нас такие не варят.

— Кто? — У Лешака в глазах потемнело. Ладно батюшка — что на царя покушаются, это привычно, обыкновенно даже, ибо государство без смутьянов что дворовый кобель без блох.

— Так разве ж выявишь? Подсунули Заточным, но они точно непричастны. Мелкое дворянство. Явились дочку при дворе пристроить. Кстати, довольно смышленная особа. На редкость здравомыслящая и не без толики таланта.

— Мама!

— Что мама? Между прочим, мой отец в твои-то годы трех детей имел.

— Ага, а после еще с дюжину народил, только каждого от другой жены.

Мамину оплеуху цесаревич принял со всею возможной сыновней покорностью.

— Бестолочь...

Лешек вздохнул, признавая истинную правоту матушки: как есть бестолочь. Редкостнейшая. И в извинение он налил вина, не забыв прикоснуться к кубку перстнем. Правда, если яд многокомпонентный...

— Успокойся, — императрица Веревия усмехнулась, — змеевна я али нет? Меня отравить — постараться надобно. Но утомляет, да... А ты с чем явился?

Пришлось рассказывать и стараться, чтоб сие на жалобу не походило.

— Конкурс, стало быть. В этом есть здравый смысл. — Императрица прошлась по комнате, остановилась у окна, правда, открывать ставни, нарушая защитный контур, не стала. — Заодно и приглядишься, вдруг кто по сердцу придется?

— А австры как?

— Никак. Нам с ними связываться особого резону нет. У них свои дрязги. Потребуют поддержки, втянут, а после и виноватыми сделают. Так что лучше уж кого своего взять.

Лешек кивнул: спорить с матушкой, вздумавшей его женить, себе дороже.

— Стало быть, пиши: девицы от восемнадцати до... до двадцати пяти. Старше смысла нет, а моложе — еще дети, в голове пусто, а сердце что море в ветреный день, куда ветер подует, туда и скачет. С даром непременно...

Лешек вытащил из секретера лист.

— Не сговоренные... Ни к чему нам те, кто обещания легко рвет. Разве что сговор распался не менее нежели за три месяца до... Придумаешь, как это красиво подать. Девицы... Проверять девичество будет целитель. Пусть напишут большими буквами, дабы скандалов после не вышло.

Она постучала ноготочком по расписному блюдцу.

— Что еще? Собой хороши, манерам обучены. Норовом мягки. И пусть там уж Митюшенька постарается. У него есть специалисты, которые чего хочешь напишут.

Императрица задумалась.

— А наградой... наградой будет звание первой красавицы Арсийской империи. И в доказательство того — венец драгоценный из моих рук. Той, что второе место, — ожерелье. Ну и за третье — серьги. Так оно интересней будет. Най-

дете в сокровищнице что-нибудь подходящее. Ах да, и еще напишите, что все три девушки получают место при дворе.

Лешек кивнул.

И кляксу попытался стереть, да не вышло.

— А почерк у тебя по-прежнему отвратительный, — со вздохом констатировала императрица. — И вообще бестолочь ты...

Пусть так. Зато свободная.

Во всяком случае, пока.

...☀️ ГЛАВА 2 ☀️...

Ныне, разложивши снимки по порядку, Лизавета Гнёздина, девица совершенно неприличных для девичества своего двадцати четырех с половиной лет, благородного сословия, вынуждена была признать, что особенно хорошо вышла задница. Оно, конечно, радости с того немного, поелику цензура заднице, пусть и чиновничьей, и снятой не без толики художественного таланту, не обрадуется. Да и не увидит, ибо Соломон Вихстахович при всей низости своей натуры, по мнению многих, обусловленной исключительно принадлежностью к подлому сословию, склонности к эпатажу и любви к деньгам был человеком весьма осторожным. И пусть подцензурному дьяку он исправно кланялся что окороками, что гусями, что обыкновенными конвертиками, которым дьяк радовался куда больше, нежели окорокам с гусями, однако вот...

Нет.

Не напечатает.

А жаль, ибо задница и вправду хороша. Кругленькая, аккуратная, степенная где-то даже. И выразительности в ней куда поболее, чем в ее, так сказать, обладателе. Вон даже любовника своего целует с физией преравнодушнейшей, будто не к живому человеку, но к знамени прикладывается.

Лизавета со вздохом убрала снимочек.

Ничего, ей и прочих довольно.

А уж сударю Бжизикову, коллежскому ассессору¹, отмеченному двумя медальками и одним орденом, и тем более хватит.

¹ *Коллѣжскій ассессор* — с 1717 по 1917 г. гражданский чин в Русском царстве и в Российской империи, соответствовавший с 24 января 1722 г. 8-му классу Табели о рангах, также давал право на личное дворянство и неплохие перспективы для карьеры. — *Здесь и далее прим. авт.*

Она разложила снимки.

Вот первый, который публиковали в свадебной газетенке. Не забыть бы на нее сослаться. Здесь жених, еще в чинах малых состоящий, хмур и несчастен, а вот невеста прехорошенькая.

Беленькая, кучерявенькая.

Губки бантиком.

Бровки треугольничками. На личике — величайшее удивление, будто бы не в состоянии она была понять, как позволила соединить себя со столь скучным типом.

А вот еще один снимочек, из семейного архива.

Пришлось заплатить горничной целых пять рублей, и эта трата до сих пор отзывалась у Лизаветы болью. Но что поделать, месть — дело дорогое. Да и за статью ей заплатят. Заплатят-заплатят, никуда не денутся. А снимочек своих денег стоил.

Сударыня Бжизикова с сыном и супругом, на которого сын похож примерно как скаковой жеребец на старого осла, зато весьма похож на троюродного братца Бжизиковой, человека подлого сословия и невысоких моральных качеств. Подвизался он в личных помощниках некой состоятельной вдовы, за что имел неплохой оклад, который с легкостью спускал за игорным столом.

Мальчик взял от него огромные очи весьма характерного разреза и пепельный оттенок волос.

Лизавета почесала пером кончик носа.

Писать?

Или сами догадаются? Нет, навряд ли. Уж сколько она работает, успела усвоить, что, может, кто и догадается, да вовсе не о том, о чем следовало. Стало быть, легонько, намеком-с... И снимок счастливого семейства, дабы каждый имел возможность убедиться, что Бжизиков-младший — истинно копия своего отца. Да не того, с которым матушка венчана.

Сделалось немного совестно, все ж вьюноше всего-то пятнадцать...

Но совесть привычно утихла, стоило напомнить, что Марьяшка с Ульяновкой и помладше будут. Их-то небось не пожалели.

Гнев нахлынул.

И сгинул.

Дальше что? Тайное любовное гнездышко, снятое в доходном доме некой вдовы Путетиной. Снимок одного дома.

В нем, подсказывало чутье, скрывалось немало тайн. Но другие Лизавете были без надобности. Во всяком случае — пока.

Молодой человек, выходящий из кареты. И многоуважаемый чиновник, не удержавшийся и прикоснувшийся губами к розовенькой щечке.

Этот снимок и сам по себе скандальным вышел.

А дальше...

Вдова Путетина отличалась на редкость вздорным нравом, а еще была скупа и подловата, но при всем том искренне удивлялась, отчего ж в доме ее не задерживается прислуга. Сама Лизавета с трудом две недельки вынесла.

Пока выяснила...

Пока ключики подобрала...

Пока кристаллы установила, чтоб вокруг кровати. Ее тоже сняла, отдельно, так сказать, позволяя читателям оценить всю роскошь этого огромного деревянного чудовища, под бархатный покров убранного.

Она вздохнула. И вывела следующую строку.

Ах, до чего кстати пришлась обличительная речь, зачитанная Бжизиковым при открытии новой гимназии. Мол, надобно поддерживать старинные устои и семейные ценности, а не разлагаться морально.

Хорошо, не поленилась, записала пару цитат.

Лизавета была девушкой престарательной. Да и памятью обладала хорошей.

Первый поцелуй, совершенно не допускающий иного толкования. И любовник Бжизикова выглядит просто-таки неприлично юным, хотя ему, Антошке Свердюкову, некогда помощнику приказчика в лавке свейского купца, давно уже исполнилось двадцать годочков.

И в любовники он пошел отнюдь не по принуждению.

Но людям того знать не надобно.

И Лизавета выбрала еще один снимок. Почти приличный, этот, пожалуй, и пропустят. А задница... задница пусть будет, на случай, так сказать, суда, про который ее клиенты кричать горазды.

Да и вообще пригодится.

Она вздохнула, отложила перо. Перечитала статейку, которая получилась весьма неплохой, хотя Соломон Вихстахович вновь ворчать станет, что эмоциональности маловато, и все поправит. Но то уже его заботы. Лизавета же сыпанула на бумагу песок и, дождавшись, когда чернила высохнут, положила статью и снимки в обыкновенный почтовый конверт.